

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бердяев Николай

Великий Инквизитор

I

В легенде о Великом Инквизиторе Достоевский имел как бы в виду нелюбимое им католичество и изобличал антихристианскую тенденцию этого уклона исторического христианства, ложь католической антропологии. Но тема знаменитой легенды гораздо шире, она универсальна, в ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества. Из "Великого Инквизитора" можно вывести религиозную философию общественности, в ней мы черпаем вечные поучения. Новые религиозные истины приоткрылись в "Великом Инквизиторе", новое религиозное сознание зачинается. Это не распря истины православия с ложью католичества, это несравненно более глубокое противоположение двух начал всемирной истории" двух метафизических сил[2]. Великий Инквизитор является и будет еще являться в истории под разными образами. Дух Великого Инквизитора жил и в католичестве, и вообще в старой исторической церкви, и в русском самодержавии, и во всяком насильственном, абсолютном государстве, и ныне переносится этот дух в позитивизм, социализм, претендующий заменить религию, строящий вавилонскую башню. Где есть опека над людьми, кажущаяся забота о их счастье и довольстве, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее происхождение и высшее предназначение, – там жив дух Великого Инквизитора. Где счастье предпочитается свободе, где временное ставится выше вечности, где человеколюбие восстает против боголюбия, там Великий Инквизитор. Где утверждают, что истина не нужна для счастья людей, где можно хорошо устроиться, не ведая смысла жизни, там – он. Где соблазняется человечество тремя искушениями дьявола – превращением камней в хлеба, внешним чудом и авторитетом, царствами мира сего, там – Великий Инквизитор. В разных, часто противоположных, образах скрывается этот дух Великого Инквизитора, это образование в мире и воплощение в истории злого начала, коренного метафизического зла: оно равно проявляется и в старой церкви, отрицавшей свободу совести и сжигавшей еретиков, поставившей авторитет выше свободы, и в позитивизме – религии человеческого самообожествления, предавшей высшую свободу за довольство, и в стихии государственности, похлонившей кесарю и мечу его, во всех формах государственного абсолютизма и обоготворения государства, отвергающего свободу человеческую и опекающего человека, как презренное животное, и в социализме, поскольку он отверг вечность и свободу во имя земного устройства, земной равной сытости человеческого стада.

Первые слова, с которыми Великий Инквизитор обратился к Христу, заключенному им в тюрьму, были: "Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь".

И всегда, всегда в истории, когда в жизни человечества являлся Христос со словами нездешней свободы и напоминанием о вечном предназначении человека, когда дух Его сходил на людей, Он всегда встречался людьми, владевшими жизнью, подобными словами. Великий Инквизитор в образе католичества говорит: "Все передано Тобой папе и все теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени, по крайней мере". Государство отвечает, что все передано теперь его власти, и отвергает с озлоблением свободу во Христе. Исторические силы, вдохновляемые духом Великого Инквизитора, "исправили подвиг" Христа, делали свое дело, прикрываясь Его именем. И люди нашего времени с отвращением и злобой относятся ко всякому напоминанию о высшей свободе человека и вечном его предназначении. Дух Христов равно невыносим и охранителям старого здания древней государственности и церковности, и строителям нового здания социально-позитивной вавилонской башни. Великий Инквизитор, скрывающийся под этим зданием человеческим, с враждой, иногда скрытой, иногда открытой, восстает против свободы Христовой, Христова призыва к вечности. Люди хотят устроить землю без

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org

неба, человечество без Бога, жизнь без смысла ее, временность без вечности и не любят тех, которые напоминают им об окончательном предназначении человечества, о свободе абсолютной, о смысле и вечности. Люди этого духа мешают строителям здания человеческого благополучия и успокоения. Свободные, истинные слова не нужны, нужны слова полезные, помогающие устроить дела земные.

Я представляю себе такую картину. Вот несут уже последние кирпичи для окончательного устройства царства этого мира. Камни превратились в хлеба, человеческая изобретательность совершает чудеса, осчастлиливает людей, государство, в котором общество превращается в земной абсолют. А откуда-то идет человек и скажет им слово, от которого прекратится суeta земного устройства: не захотят достроить здание, вспомнят о мире ином, свободу свою опять полюбят превыше счастья, по смыслу жизни затоскуют, вечности захотят больше временного царства. Убьют, истребят этого безумного человека, распнут его во имя блага только человеческого, во имя пользы, во имя устройства и успокоения стада человеческого. Истины объективной, вечной истины, не надо людям, соблазненным царством земным, поддерживающим отпадение мировой жизни от мирового смысла, им нужна только польза, нужно знать только законы, по которым камни превращаются в хлеба, по которым совершаются чудеса техники; свобода тоже не нужна, нужно счастье и удовлетворение; и любовь не нужна, так как можно соединить людей насильем, принудить к обществу. Свободного слова, мешающего строить здание, не позволят сказать, парализуют его, если не физическими, то духовными силами. Уже плохо слышно тех, которые пробуют говорить о высшем происхождении и высшем призвании человека.

Великий Инквизитор все хитрости употребляет и единый дух его равно проявляется, как в образе консерватизма, охраняющего старые полезности, государственную крепость, устроившую некогда человеческую жизнь, так и в образе революционизма, создающего новые полезности, новую социальную крепость, в которой жизнь человеческая окончательно будет устроена на благо всем. Мы же говорим: слово истины и свободы должно быть произнесено, хотя бы от этого рухнуло все здание человеческого благополучия, пошатнулись все старые и новые устои человеческой жизни, все царства земные, хотя бы весь эмпирический мир от этого слова полетел в бездну, распался. Так говорим мы во имя абсолютного достоинства человека, веря в смысл мира, веря в вечность, и не хотим поддерживать этот мир ложью и обманом. Да и никогда, никогда не погибнет человечество, не распадется мир от слова истинного и свободного; человечество и мир спасет только это слово, только слово это поведет его к жизни вечной, полной, свободной и осмысленной. Распадается вавилонская башня, здание темницы человеческой, ограниченности знаний, мираж эмпирического мира распадется, но да будет так. Предвечная свобода человека, абсолютное достоинство его, связь с вечностью выше всякого устройства, всякого успокоения, всякого благополучия, всякого недостойного, слабого, жалкого счастья. Последней трагедии мировой жизни все равно не миновать, нужно идти ей навстречу свободно и с достоинством. Никаким позитивизмом нельзя закрыться от смысла мира, никаким социализмом – от освободительного конца мира.

В чем главные черты Великого Инквизитора в понимании Достоевского? Отвержение {свободы} во имя {счастья} людей, {Бога} во имя {человечества}. Этим соблазняет Великий Инквизитор людей, принуждает их отказаться от свободы, отвращает их от вечности. А Христос более всего дорожил свободой, свободной любовью человека. Христос не только любил людей, но и уважал их, утверждал достоинство человека, признавал за ним способность достигнуть вечности, хотел для людей не просто счастья, а счастья достойного, согласного с высшей природой человечества, с абсолютным призванием людей. Все это ненавистно духу Великого Инквизитора, презирающего человека, отрицающего его высшую природу, его способность идти к вечности и сливаться с абсолютным, жаждущего лишить людей свободы, принудить их к жалкому унижительному счастью, устроив их в удобном здании.

И говорит Великий Инквизитор Христу, Тому, кто чудесно вторгся в его устроенное царство, кто напомнил о высшем, чем счастье и устройство: "...свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: "Хочу сделать вас свободными". Но вот Ты теперь увидел этих "свободных" людей... Да, это дело нам дорого стоило, – но мы докончили, наконец, это дело, во имя Твое. Пятнадцать веков мы мучились с этой свободой, но теперь это кончено и кончено крепко... Знай, что теперь, и именно ныне, эти люди уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем, сами же они принесли нам свободу свою и покорно, положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?" Великий Инквизитор "ставит в заслугу

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org

себе и своим, что, наконец-то, они {поборолы свободу} и сделали так для того, {чтобы сделать людей счастливыми"}. "Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали - Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, - но Ты не послушал предупреждений. {Ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми}, но, к счастью, уходя, Ты передал дело нам. Ты обещал, Ты утвердил своим словом, Ты дал нам право связывать и развязывать, и, уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же Ты пришел нам мешать?"

Так говорит католичество, сошедшее с пути Христова, заменившее свободу авторитетом, любовь - мучениями инквизиции, насильно спасавшее презренных "бунтовщиков". Но и в другие исторические церкви вселялся дух Великого Инквизитора, и они "поборолы свободу, чтобы сделать людей счастливыми", спасали "бунтовщиков" помимо их свободы и достоинства, вступали на "путь, которым можно было устроить людей счастливыми" и который был отвергнут Христом. То же делало государство, опекавшее бунтующее племя человеческое, отнимавшее у людей свободу во имя устроения их жизни, насилувавшее людей во имя скотоподобного счастья. По этому же пути идет за Великим Инквизитором позитивная религия человечества, социализм, желающий построить безбожную вавилонскую башню и забывающий о религиозной свободе и религиозном смысле. На новый лад хотят устроить человечество, лишив его высшего достоинства, принудить к счастью, лишив свободы. Между нарождающейся религией социализма и вырождающейся религией католичества, соблазненного царством земным, много общего, единый дух живет в них. Эта новая религия позитивного и атеистического социализма, устроения человечества вне Бога и против Бога, верит, что со "свободой... теперь кончено и кончено крепко". И люди, которых хотят устроить и осчастливить, "уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне". Забыв о своем происхождении и своем предназначении, отвергнув мечту о небе и вечности, думают, что "теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей".

Что слышат и ныне все напоминающие о религиозном смысле жизни, об абсолютном достоинстве личности, об окончательной свободе? С раздражением говорят этим людям, что они мешают заботиться о "счастье людей", бесполезными напоминаниями и отвлечениями препятствуют закончить здание человеческого благополучия, с ненавистью говорят, что "свободны вполне", свободны... от высшего смысла, от высшего достоинства, от вечности, свободны, наконец, от этой тяжелой и ответственной свободы. Во всяком довольном позитивисте наших дней сидит маленький Великий Инквизитор, в речах иных верующих социал-демократов звучат знакомые голоса маленьких великих инквизиторов, живет дух его во всех фанатиках земного устроения, земного благополучия, во всех защитниках земной крепости во что бы то ни стало.

Великий Инквизитор говорит еще: "Вместо того, чтобы овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше! Или Ты забыл, что спокойствие или даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда - {Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного}, {взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе}, - и это кто же: Тот, который пришел отдать за них жизнь Свою! Вместо того, чтобы овладеть людской свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевного царства человека, вовеки. {Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою"}.

Великий Инквизитор хочет снять с человека бремя свободы, последней религиозной свободы выбора, обольщает человека спокойствием. Он сулит людям счастье, но прежде всего презирает людей, так как не верит, что они в силах вынести бремя свободы, что они достойны вечности. Великий Инквизитор укоряет Христа, что Тот "поступил, как бы и не любя" людей, любит людей он, Великий Инквизитор, так как устраивает их жизнь, отвергнув для них, слабосильных и жалких, "все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного". И современная религия позитивизма и атеизма, религия человеческого самообоготворения тоже отвергает все, что есть "необычайного, гадательного и неопределенного", тоже гордится своей любовью к людям и отказывает в праве любить тем, кто напоминает о "необычайном", о высшей свободе, о сверхчеловеческом. Религия только человеческого, религия земного, ограниченного блага людей есть соблазн Великого Инквизитора, есть предательство, отказ от своей свободы и своего назначения. Люди поверили, что они станут

свободными, когда признают себя продуктом необходимости. Обольщает Великий Инквизитор тремя искушениями, теми самыми искушениями, которыми соблазнял Христа дьявол в пустыне и которые отверг Христос во имя свободы, Царства Божьего и хлеба небесного.

"Страшный и умный дух, {дух самоуничтожения и небытия}, великий дух говорил с Тобой в пустыне и нам передано в книгах, что он будто бы "искушал" Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах, и что Ты отверг, и что в книгах названо "искушениями"? А между тем, если было когда-нибудь на земле совершено настоящее, громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений... {Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человечества и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле}. Тогда это не было еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более". Так говорил Инквизитор явившемуся к нему Христу.

Вся история христианского мира есть непрерывная борьба Христа - начала свободы, смысла, высшей природы в человеке и вечной жизни с тремя искушениями дьявола [3]. И теперь еще, когда прошло уже не пятнадцать, а двадцать веков, все это еще недостаточно видно, и потому Легенда о Великом Инквизиторе остается книгой пророческой. Антихрист у Вл. Соловьева тоже соблазняет людей тремя старыми искушениями: он осуществляет мечту социалистической религии о превращении камней в хлеба, дает людям равную сытость, он делает чудеса, порабощающие людей, и основывает вселенское царство земное.

II

Искушение первое

"Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в природном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, - ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлеба, и за Тобой побежит человечество, как стадо благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отынешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои. Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во {имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобой и победит Тебя} и все пойдут за ним, восклицая: "Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!"... {На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня}, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, - ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей в катакомбах, скрывающихся, найдут нас и возопиют к нам: "Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали". {И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит}, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое! О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: "Лучше поработите нас, но накормите нас". Поймут, наконец, сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе невыносимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободами, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. {Ты обещал им хлеб небесный, но может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным?} И если за Тобой, во имя хлеба небесного, пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? {Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые}. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать,

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org

- так ужасно станет им под конец быть свободными!" Это самые глубокие и самые пророческие слова, сказанные о земной судьбе человечества. "В вопросе этом (первом искушении) заключалась великая тайна мира сего". "Ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебе, чтобы заставить всех преклониться пред Тобой бесспорно, - знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал Ты далее. И все опять во имя свободы! Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладеет свободой лишь тот, кто успокоит их совесть".

Социализм, как религия, как замена хлеба небесного хлебом земным, как построение Вавилонской башни, социализм, обоготворяющий ограниченное человечество, социализм позитивный и есть один из образов первого искушения. "Во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобой и победит Тебя". И восстали уже сторонники социальной религии и провозгласили, что Бога нет и что человечество на земле должно сделаться богом. О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом, это элементарная истина, и менее всего можно признать всякий социализм просто искушением дьявола; но в атмосфере социализма не нейтрального и не подчиненного религии, а претендующего быть религией, рождается это искушение и ведет не к нейтральному добру, а к конечному злу. Великий Инквизитор говорит демагогически, прикидывается демократом, другом слабых и угнетенных, любящим всех людей. Он упрекает Христа в аристократизме, в желании спасти лишь избранных, немногих, сильных. "Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые". Это очень важное место. Великий Инквизитор так презирает людей, так не верит в высшую природу человека, что лишь немногих считает способными пойти по пути высшего смысла жизни, завоевать вечность, не соблазниться хлебом земным, полюбив превыше всего хлеб небесный. Так презирает людей религия человеческого, так презирает людей социальная религия, желающая хлебом земным заглушить тоску по хлебу небесному. Пусть не поднимается никто на слишком высокие горы, учит ложный демократизм, пусть лучше все превратится в плоскую равнину, все уравнивается в земной посредственности. Дух Великого Инквизитора подвергает сомнению право подниматься на высокие горы, возрастать, и во имя ложной, земной, а не небесной любви, во имя сострадания к людям призывает делиться своей бедностью с братьями своими, бедностью, а не богатством. Духовное богатство воспрещается. Запрещают думать о вечности, называют это эгоизмом, восхваляют лишь заботу о временном. Будьте все малы, бедны, всегда отказывайтесь от своей свободы, тогда получите хлеб земной, тогда успокоитесь, тогда будет всем благо. Так учили старые, консервативные Великие Инквизиторы, так учат и новые, прогрессивные. И человечество соблазняется, передает скорее дар свободы тем, кто успокаивает его совесть и насыщает его. "И тогда уже мы и достроим их башню". Кто эти "мы"?

О, конечно, это еще не ученики социальной религии, человеческие существа, хотя и обоготворяющие себя, но слабосильные. Великая тайна, разгаданная Достоевским, выболтанная Великим Инквизитором, в том заключается, что путь самообогащения человеческого, путь замены хлеба небесного хлебом земным, окончательного отпадения от Бога должен привести не к тому, что все сделаются богами и титанами, а к тому, что люди опять поклонятся новому божеству, одному обоготворенному человеку, одному царю. Великий Инквизитор - это символ того духа, который окончательно воплотится не в массе человечества, а в новом боге, новом царе земном. Это тот несчастный, который сделает счастливыми миллионы младенцев, отняв у них свободу. "Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов, за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать". Эти "мы" в последнем пределе мистической диалектики превращаются в "я", в единого, в котором окончательно воплотится антихристский дух Великого Инквизитора. Вот к чему приведет эта попытка спасти всех вне Бога и против Бога, устроить землю вне неба и против неба, утвердить человеколюбие против боголюбия, утвердить демократию против высшего призвания человечества и прав его на вечность, осчастливить людей, лишив их свободы. Позитивизм идет по этому пути в теоретическом сознании, марксистский социализм - в практическом действии. И позитивизм и марксизм в существе своем одинаково враждебны свободе совести, не любят проблематического, хотели бы принудить людей к полезному, и в сознании и в жизни создать насильственное благополучие. В прошлом шло по этому пути государство, обоготворившее себя, церковь, подменившая свободу авторитетом. Насилие, ненависть к свободе - вот

сущность духа Великого Инквизитора. Проповедь любви ко всем людям, снисхождение к слабости людской – вот соблазн Великого Инквизитора. Мы же останемся с истиной Христа: истинная любовь к людям возможна лишь в Боге, лишь во имя Отца Небесного, и потому связана она с признанием высшей природы человека и высшего призвания его, с уважением к личности и ее бесконечным правам. Для Великого Инквизитора существует лишь человеческое стадо, слабость которого эксплуатируется в дьявольских целях. Для нас существует личность человеческая, свободная в своей сущности, и соборность, собиравание человеческих личностей в Богочеловечестве.

Второе искушение

"Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и Сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил Тебя на вершине храма и сказал Тебе: "Если хочешь узнать, Сын ли ты Божий, то верзись вниз, ибо сказано про Того, что Ангелы подхватят и понесут Его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, Сын ли Ты Божий, и докажешь тогда, какова вера Твоя в Отца Твоего", – но Ты, выслушав, отверг предложение и не поддался, и не бросился вниз. О, конечно, Ты поступил тут гордо и великолепно, как Бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это – они-то боги ли?" "Ты не сошел с креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: "Сойди с креста и уверуем, что это Ты". Ты не сошел, потому что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз и навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками". Опять тот же упрек: Христос хотел сделать людей свободными, хотел только свободной любви их, осудил всякое насилие, не хотел насильственного счастья людей, уважал людей, как детей небесного Отца Своего. Христос не хотел веры от чуда, веры насильственной, основанной на внешнем факте, на авторитете, подавившем людей. Сын Божий явился миру в образе Распятого, не царем и властителем, а униженным и растерзанным, чтобы человек свободно узнал своего Бога и полюбил. Чудо должно быть от веры, чудо от свободного соединения с Богом, чудо от любви. Свободная совесть в вере выше всего. В свободном избрании людьми Бога – смысл мировой истории. Великий Инквизитор вслед за искушавшим в пустыне прельщает внешними чудесами, которыми можно поработить человечество, насильственно сделать его счастливым, лишив людей достоинства детей Бога и предназначения в божественной жизни, свободную любовь подменяет авторитетом, насильственными чудесами соблазняет своих жертв; тайна, которой Великий Инквизитор хочет загипнотизировать людей, есть слепота и неведение. Чудо и тайна, на которых этот дух воздвигает свое здание, есть обман, ложь, шарлатанство и насилие. И опять Великий Инквизитор восстает против Христа во имя всех людей, во имя кажущегося демократизма. Он говорит, что воскресение во Христе уготовлено лишь немногим избранным: "Ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя Твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных? Неужели мы не любили человечество, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его, хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?" Опять выступает Великий Инквизитор в роли защитника людей, человеколюбца, демократа, опять обвиняет Христа в недостаточной любви к людям, в аристократизме, в переоценке сил человеческих. Соблазняет насильственным счастьем, проповедует веру, основанную на чуде, любовь, основанную на авторитете, успокоение и смирение, основанное на тайне. Все это мы слышим от государства, авторитетом и насилием спасающего и порабащивающего, от исторической церкви, сбившейся с пути и принявшей тайну Великого Инквизитора. Это мы слышим и от позитивной религии человечества, покончившей с Богом и свободой. Строители Вавилонской башни не верят в свободное спасение людей, в свободную любовь, отвергают веру, рождающую чудеса, и потому насильственно спасают человечество, успокаивают его счастьем, будущим счастьем всех людей. Современный агностицизм тоже ведь охраняет "тайну" и сокрытием смысла мировой жизни гипнотизирует и насилует людей. Восстали против Бога во имя всеобщей и равной человеческой слабости. Христос безмерно уважал личность, возносил ее на сверхчеловеческую высоту, тогда как обоготворяющие человеческое, слишком человеческое, принижают личность, не верят в ее свободное призвание. Позитивисты отрицают чудо, то чудо, что от, веры исходит, но хотят сами делать

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org
внешние чудеса и этими чудесами соблазнять человечество, на этих
осчастливливающих чудесах основать свою авторитетность.

Всякое отрицание абсолютной ценности свободы совести, всякое утверждение мистической свободы по мотивам позитивным есть искушение "чудом, тайной и авторитетом" Великого Инквизитора. Отрицание той истины, что личность человеческая должна спастись свободно, свободной любовью избрать Бога, что в божественной любви и свободе – спасение человечества, есть соблазн второго искушения. Таинственные секты, те, что боятся свежего воздуха, – второе искушение. Все эти насильственные спасители людей, проповедующие как религию авторитета, так и религию человечества, одинаково не верят в силы человека, не уважают человека, и потому любовь их кажущаяся. Вера в человека, в его достоинство, в мистический смысл свободы и есть уже вера в Бога, в источник силы человека и достоинства и свободы его. Не человечества, счастливого, спокойного, устроившегося, но потерявшего свое достоинство, изменившего своему назначению, мы хотим, а свободного богочеловечества. Не чудес мы хотим, чтобы поверить, а – веры, творящей чудеса, хотим не авторитета, а – свободы, не тайны, подавляющей нас, закрепляющей нашу слепоту, а – прозрения этой тайны, осмысления жизни. Теория насильственного авторитета есть продукт неверия, она не верит в естественную мощь божественного в жизни и потому создает искусственную мощь, запугивает[i]. Внешний, насильственный авторитет церкви есть *contradictio in adjecto*[4], так как сама идея церкви основана на органическом присутствии Св, Духа в соборном теле человечества, на свободном приобщении человека к этому Духу.

Третье искушение

Это самое могущественное искушение, много места ему уделено в истории человечества. "Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобой, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад, как мы взяли у него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне еще не успели привести наше дело к полному окончанию". Третьим искушением, искушением царством земным, мечом Кесаря, империализмом соблазнилось католичество с его папоцезаризмом и православие с его цезарепапизмом[5]. Предельным и страшным воплощением третьего соблазна было Римское государство, обоготворившее Кесаря, абсолютное государство, не знающее ничего выше себя, абсолютный цезаризм. Казалось, только дохристианское сознание могло допустить появление Рима и меча Кесаря, только до Христа могли образоваться восточные деспотии и могли воздавать в них божеские почести человеку. Христос отверг искушение земным царством, абсолютным государством, признал поклонение царю земному изменой Царю Небесному, но христианство в истории приспособилось к языческому государству, освятило мало-помалу абсолютное государство, унаследованное от Рима, после того как церковь перестала быть гонимой государственной властью и сделалась господствующей. Заслуги Константина Великого перед христианской церковью оказались для христианства роковыми. Сама церковь начала поддерживать Римское государство, прониклась насильственным духом государственным, начала пользоваться средствами языческого государства, занялась устройством вселенского земного царства, царства мира сего и потому оказалась {"с ним"}. Византия, второй Рим, воплотила идею абсолютного государства и обожествленного Кесаря, а в третьем Риме – России идея эта достигла чудовищного выражения, явила пример кощунственного надругательства над Божеской заповедью. Это могущественное начало римской государственности через католицизм перешло в современный социализм, который тоже жаждет устроить всемирное земное царство, хотя меч Кесаря влагает в руки народа, обоготворяет вместо человека-Кесаря народ-пролетариат. Третье искушение есть путь человековластия, все равно – власти одного, многих или всех, есть обоготворение государства, как окончательного соединения и устройства на земле. Власть трех искушений в многовековой истории человечества обнаруживает неспособность христианства, взятого в его ограниченности и временности, овладеть жизнью, определить пути всемирной истории. В вопросе о государстве, как и в вопросе о свободной совести и хлебе, человечество слушает не Христа, а его, искушавшего в пустыне. "Приняв этот третий совет могучего духа, Ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться, наконец, всем в бесспорный и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно". Христос отверг "всемирное соединение" в земном,

абсолютном, себя обоготворяющем государстве, соединение мира вне Бога. Как возможно "всемирное соединение в Боге", как возможна общественность религиозная, как возможен вселенский исторический путь во Христе, а не личное только спасение, – это основной вопрос нового религиозного сознания, вопрос о теократии, о победе боговластия на земле над человековластием, над обоготворением человеческого в лице одного – Кесаря или Папы и всех Народа. Преодоление трех искушений – вот религиозный смысл будущей истории человечества: не поклониться хлебу земному, не вручить совести своей авторитету земному, не соединиться всемирно в абсолютном государстве земном, под человеческой властью "Кесаря", кто бы ни скрывался под этим символом власти. Великий Инквизитор говорит: "...приняв мир и порфиру Кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой". Но Христос проповедовал царство Небесное, отверг землю, оторванную от Неба, человечество, оторванное от Бога. Христос не "всемирный покой" проповедовал, а всемирную борьбу для последнего освобождения и спасения мира, для раскрытия смысла мира. Всякий, поднявший "меч Кесаря", восстал уже на Христа.

Легенда о Великом Инквизиторе – самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми. Никогда еще не был произнесен такой суровый и уничтожающий суд над соблазном государственности, над империализмом, никогда еще не была с такой силой раскрыта антихристская природа земного царства и не было еще такой хвалы свободе, такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа. Но это анархизм на религиозной почве, не "мистический анархизм", а теократический анархизм, это творческая революция духа, а не революционно-анархическое разрушение и распадение. Это отрицание всякого человековластия, всякого обоготворения человеческой воли, всякого устройства земли, во имя Боговластия, соединения земли с небом. И остается непонятным, как мог автор "Великого Инквизитора" защищать самодержавие, соблазниться византийской государственностью.

III

Наконец, Великий Инквизитор поднимается до высот или опускается до низин сатанинского пафоса. Что-то сверхчеловеческое, нездешнее, предмирное звучит в словах его, когда рисует он будущее царство свое и свою роль в нем: "...но стадо вновь соберется, и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их, наконец, не гордиться, ибо Ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что {детское счастье слаще всякого}". Пусть страшатся этих зловещих слов современные устроители счастья, устроители земли без неба, жизни без смысла, человечества без Бога. Это страшное пророчество духа зла: "Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим их жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения: позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя". Дьявольский дух небытия чувствуется в этих словах, и пусть страшатся его те, которых соблазняют "детские песни" "невинные пляски" грядущих счастливых. Кто эти "мы", которые возьмут на себя наказание за грехи? Не люди уже и не избранники среди людей; "мы" – это только способ выражения, "мы" – это "он", дух Великого Инквизитора, дьявол, искушавший Христа в пустыне, воплотившийся в конце истории. "Самые мучительные тайны их совести – все, все понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И {все будут счастливы}, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысяча миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет, и для их же счастья будем манить их наградой небесной и вечной. {Ибо если б и было что на том свете, то, уж, конечно, не для таких, как они}". Эти "сто тысяч страдальцев" – лишь художественный образ, в последнем же метафизическом счете этих страдальцев, "взявших на себя проклятие познания добра и зла", окажется всего один, это – "отец лжи", искушавший в пустыне, метафизический дух Великого Инквизитора. Великий Инквизитор хотел бы сделать людей недостойными "того света". В последних словах как бы разоблачается его тайна, это – тайна {окончательного небытия}, отрицание вечности, неверие в смысл

мира, в Бога. Тайну "ста тысяч страдальцев" знают те, которые идут за Христом, которые прозрели смысл мировой жизни, но она скрыта для "тысяч миллионов счастливых младенцев".

О, конечно, ни в позитивизме, ни в социализме, ни в зачинающейся религии земного человечества, освобожденного от вселенского смысла, нет еще той картины, которую рисует Великий Инквизитор, но путь этот есть уже {его} путь. Люди уже захотели, чтобы "избавили их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного". Позитивизм уже избавился от этих мук, уже отверг для людей решение личное и свободное, это – одна из хитростей Великого Инквизитора. Абсолютное земное государство, вновь возрождающееся в эсхатологии социал-демократии, – другая его хитрость, "все будут счастливы". Но это предмирное, метафизическое начало зла, небытия и рабства находится в состоянии исторической текучести, дух Великого Инквизитора не имел еще окончательного и предельного воплощения, он сокрыт, его нужно разоблачать под разными масками. Люди, ныне обольщаемые духом Великого Инквизитора, это еще не "счастливые младенцы", еще не "подчинившиеся". Эти люди более всех гордятся, более всех бунтуют, обоготворяют только себя, только свое человеческое. Но обоготворение человеческого, самообоготворение человека ведет роковым образом по закону мистической диалектики к обоготворению одного сверхчеловека. Люди, плененные младенческим счастьем Великого Инквизитора, окажутся рабами, жалкими существами и ощутят потребность в окончательном подчинении. Что-то похожее мелькает уже в лицах масс, загипнотизированных самыми революционными и, по видимости, освободительным идеями. Человечество, превратившись в стадо, успокоится, перестанет кичиться, поклонится в конце Великому Инквизитору, и будет восстановлено единовластие.

Дух Великого Инквизитора готовит себе оправдание на Страшном Суде. "Я тогда встану и укажу Тебе {на тысячи миллионов счастливых младенцев}, {не знавших греха}. И мы, взявшие грехи их, для счастья их, на себя, мы станем пред Тобой и скажем: "Суди нас, если можешь и смеешь". Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую Ты благословил людям, и я готовился стать в число избранных Твоих, в число могучих и сильных с жадной "восполнить число". Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые {исправили подвиг Твой}. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных}. То, что я говорю Тебе, сбудется, и царство наше созиждется". Отказался от вечности во имя "счастья тысячи миллионов людей", счастья смиренных, всех, предпочел гордой цели "восполнить число" избранных, завоевать небо. Это оправдание уже приводится теми, которые заражены духом Великого Инквизитора, они бросают нам уже упрек, что мы забыли о "счастье" миллионов людей, об устройении "всех" на земле, они гордятся тем, что "очнулись и не захотели служить безумию". Но люди, соблазненные Великим Инквизитором, не так значительны и могущественны, как сам Великий Инквизитор в изображении Достоевского, идеальный и трагический тип; все эти современные люди не были в пустыне и не благословляли свободы. Наша эпоха не создает титанов, не найти в ней и Великого Инквизитора в одном образе привлекательного по иным чертам своим "страдальца, мучимого великой скорбью и любящего человечество"; но маленькими великими инквизиторами полон наш мир. "Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует, как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем чтобы сделать их счастливыми".

Охранение тайны, сокрытие смысла жизни во имя счастья людей, во имя построения для них здания – вот глубокая тенденция, проявляющаяся на разных концах современной культуры. Государственники старые, консервативные, и государственники новые, революционные, агностики старой церкви авторитета и новой церкви позитивизма, охранители старой вавилонской башни и строители новой одинаково хотят скрыть от людей истину о смысле мироздания, так как боятся результатов этого раскрытия, боятся слова, которое может разрушить их строение. Если в оккультизме есть что-нибудь серьезное, то это все тот же соблазн Великого Инквизитора, сокрытие тайны и руководство миллионом младенцев. Новое религиозное сознание отвечает всем малым и великим инквизиторам мира: раскрытие людям тайны о смысле вещей, раскрытие {истины} абсолютной и вечной выше всего в мире, выше {счастья} людей, выше всякого здания для человечества, выше спокойствия, выше хлеба земного, выше государства, выше самой жизни в этом мире. Миру должно быть поведано слово истины, объективная правда должна раскрыться,

чего бы это ни стоило, и тогда человечество не погибнет, а спасется для вечности, какие бы временные страдания оно ни претерпело. Люди – не бессмысленное стадо, не слабосильные, презренные животные, которые не могли бы вынести тяжести раскрытия тайны, люди – дети Божьи, им уготовано божественное назначение, они в силах вынести тяжесть свободы и могут вместить мировой смысл. Личность человеческая имеет абсолютное значение, в ней вмещаются абсолютные ценности, и путем религиозной свободы она осуществит свое абсолютное призвание. По презрению к личности, по неуважению к ее бесконечным правам, по страсти опекать человека и лишать его свободы и чести, соблазнив счастьем и спокойствием, – узнается дух Великого Инквизитора. Любовь к человеку не есть {опека} над ним, управление и властвование человеком, как не есть жалость; любовь не совместима с презрением и неверием в человека; любовь есть соединение и слияние с родным по духу, не одинаковым, но равным по достоинству и призванию, трансцендентное влечение к близкой природе, в которую веришь и которую почитаешь в Едином Отце. По свободе и любви, по свободной любви, соединению людей в Боге, узнается Дух, противоположный Великому Инквизитору.

Метафизическое, предмирное грехопадение было отпадением от Абсолютного Источника полного и вечного бытия всех существ мира, от Источника соединения их в прекрасную гармонию. Результатом этого отпадения было разложение бытия на составные части, атомизирование его, мучительное разъединение, хаос и вместе с тем насильственное подчинение частей этого бытия, подчинение необходимости, "законам" природы, мучительная связанность. И два начала борются в мире: 1) начало освобождения всех существ мира от рабской зависимости, от необходимости, от навязанной извне закономерности, и соединения всех существ, всех частей мира путем любви в гармонию, в бытие вечное и безмерно содержательное и 2) начало продолжающегося атомизирования, внутреннего распада всех существ и частей мира и внешнее, кажущееся соединение путем насильственным, связывание путем необходимости. Торжество первого начала ведет по пути воссоединения мира с Богом, победы над смертью и утверждения бытия, торжество второго начала ведет по пути окончательного отпадения мира от Бога, по пути небытия и всепобеждающей смерти. Вселенская задача, которая в разные эпохи принимает разные конкретные формы, есть преодоление внутреннего разрыва и внешней связанности путем внутреннего соединения и освобождения от всякой необходимости[ii].

Нам могут сказать: зачем так много говорить о проблеме зла в будущем, когда в прошлом и настоящем есть такое страшное зло, не хорошо говорить о возможности соблазна хлебом земным, когда нужно накормить, когда хлеба нет у людей. Это все тот же аргумент, полагающий, что истина иногда может и должна быть скрыта, что не всегда ею следует заражать людей, что есть что-то выше истины – хлеб земной. Сначала накормите, а потом говорите о смысле жизни, о зле будущего. Так говорят уже соблазненные. Мы же верим: чтобы накормить и не отравить – нужно постигнуть смысл жизни, истина должна быть открыта всем, чтобы освободить людей от соблазнов, чтобы решить проблему хлеба насущного, проблему свободы совести, проблему всемирного соединения людей. Не только вы, но и мы хотим для человечества хлеба, свободы и соединения, но верим, что все разрешится лишь на том пути, на котором раскрывается смысл жизни и конечная цель ее, абсолютная истина ставится выше счастья и обретается хлеб небесный.

Есть зло элементарное, первичное, есть исходная в истории мира порабощенность, звериность, разъединенность. Зло это постепенно отмирает, человечество освобождается от него в мировом прогрессе, но источник зла не преодолевается, не побеждается, корень остается не вырванным, так как окончательный исход и полное разрешение возможны лишь в процессе сверхисторическом и сверхчеловеческом. Метафизическое зло перевоплощается в новых формах, является в образах менее звероподобных, рабских и хаотически разъединенных. Кажущаяся, призрачная человечность, освобожденность и соединенность людей прикрывает зло будущего, зло сложное и окончательное, не так для нас видимое, как зло зверски первобытное. Окончательное, самое соблазнительное зло должно иметь обличье добра. Русское самодержавие с его бесчеловечной и безбожной политикой, с казнями, тюрьмами, надругательством над личностью и черносотенными погромами есть остаток зла первобытного, зверства изначального, рабства, от которого мир освобождается в своей истории. Злое, звериное в абсолютном, насильственном государстве видно всякому зрячему, зло прошлого обнажено, раскрыто и доживает последние дни. Первобытный хаос зашевелился в стихии русской революции, сама она и реакция на нее обливают землю кровью, но и в этом кровавом хаосе нет еще окончательного ужаса. В грядущем не будет уже терзать человеческую личность деспотическое государство, не будет уже таких жестокостей, убийств и грабежей, не будут

вбивать в головы людей гвозди, как это случилось, к позору человечества, в XX веке в белостокском погроме. Длинный еще предстоит путь освобождения от изначального зла, на пути этом человечество подвергнется соблазну зла более утонченного, зла конечного.

У Великого Инквизитора Достоевского оболочка средневековая, он сжигает на кострах, и это еще первоначальное зверство, зло элементарное, но дух его речей пропитан уже злом конечным, злом последним. Есть старый авторитет, поработавший свободную совесть, но идет авторитет новый, который поработит ее окончательно, есть старый Меч Кесаря, жестокий до зверства, насилувавший, но идет новый Меч Кесаря, обожествление государства будущего, счастливого муравейника, в котором окончательно люди лишены будут свободы и приведены к небытию. Со злом прошлого, злом начальным и злом будущего, злом конечным, со зверством первобытным и зверством грядущим нужно бороться, должно открывать истину, искать смысл, чтобы идти по пути абсолютного добра, свободы, ничем не соблазненной, идти к бытию окончательному и вечному. Вот почему мы так много будем говорить о духе Великого Инквизитора, так разделяем будущее человечество. Мы указывали уже на два начала всемирной истории: свобода выше счастья, боголюбие выше человеколюбия, и последнее лишь из первого выводимо, хлеб небесный выше хлеба земного, и последний лишь из первого выводим, свобода совести выше авторитета, смысл бытия выше самого факта бытия, и последний из первого выводим. Отвергнуть соблазны Великого Инквизитора, князя мира сего и царства его, – наша руководящая нить. Мы хотим решить проблему хлеба земного, не соблазнившись им, не отвергнув во имя его хлеба небесного, проблему богопоклонения, не соблазнившись авторитетом и чудесами внешними, не отказавшись от свободы совести, проблему соединения людей, общественной гармонии, не соблазнившись Мечом Кесаря и царствами этого мира, сохранив свободу личности.

IV

В нашу эпоху есть сильное демоническое поветрие. Современный демонизм в существе своем – серьезное явление, от которого нельзя отмахнуться старыми идеями, которого не преодолеешь проповедью постылых добродетелей. Но часто он превращается в поверхностную моду. Образовался шаблон демонических настроений, с заученными фразами, повторяемыми людьми пустыми, к творческим усилиям неспособными. Декадентство, в котором всего ярче сказался современный демонизм, – очень глубокий кризис человеческой души и очень серьезное течение в искусстве; но подхваченные толпой декадентские настроения превратились в невыносимую банальность, то, что восставало против всяких традиций, против старых форм, старых божков, – само стало рутинной. Декадентство успокоившееся, застывшее в быте, и демонизм самоудовлетворенный, обратившийся в приятно щекочущую догму, – есть пошлость. Томление и мука, неведомая старине, красили это переходное и критическое состояние человеческого духа. Но щемящая скука сосет от этих заученных, испошлившихся фраз: обоготворение самого себя и своих мгновенных переживаний, отвращение к Богу во имя своей абсолютной свободы, восхваление сверхчеловека, превратившего других людей в средство для самоутверждения, отрицание разума во имя субъективных настроений, воспевание красоты зла и т. д. и т. д. Демонизм говорит о праведных и великих вещах: о личности, об абсолютном ее значении, о свободе, о красоте и многом другом. Но какой жалкий фарс получается в результате. Самообожание всегда неблагородно. Демонизм, в конце концов, умаляет ценности и потому ведет к мещанству, опустошает бытие, не создает новых скрижалей. Свобода, взятая отвлеченно, пустая свобода ни для чего есть рабство, бесхарактерность и безличность. Свобода должна иметь свой предмет, должна быть на что-нибудь устремлена.

Ницше многих соблазнил и создал стадо нищанцев, стадо микроскопических "сверхчеловеков". А демонизм Ницше – явление огромное, истинно новое, безмерно важное для нашего религиозного сознания. От Ницше нельзя так легко отделаться, как думал отделаться Вл. Соловьев [6]. Старые лекарства не помогают от новых болезней. Вся сложность и глубина проблемы Ницше в том, что он был таким же благочестивым демонистом, как и Байрон, что богоборчество тут не темная, злая сила, а временное затемнение религиозного сознания от добрых, творческих изменений религиозной стихии человеческого бытия. Новый опыт человечества, бесконечно важный для полноты религиозного сознания, не осмыслен еще, не соединился еще с Разумом-Логосом, – вот в чем недоразумение благочестивого демонизма. Таков Иван Карамазов, таковы многие люди нового времени, переживающие тяжкий кризис, сгибающиеся под бременем сложности, еще не осмысленной; богоборчество их не есть метафизическое отвращение к Богу и окончательное

избрание зла, люди эти ищут, идут расчищать путь человечеству. Дух Божий невидимо и неведомо присутствует в них, и ошибки их сознания простятся им. По словам Христа, спасутся богоборцы, не совершившие хулы на Духа Святого. И Иов боролся с Богом. Без такого богоборчества нет богатой мистической жизни и свободного религиозного выбора. Все новые мученики Духа, все томящиеся и ищущие, неудовлетворенные уже односторонней, частной, неполной религиозной истиной, предчувствующие бытие новой религиозной жизни, не осознанной еще, - совершают ли они хулу на Святого Духа? Быть может, неразгаданное еще, таинственное и влекущее в демонизме есть одна из сторон Божества, один из полюсов добра, и будет понятно это лишь в религиозном синтезе конечного фазиса мистической диалектики бытия.

Великий Инквизитор совершает хулу на Святого Духа, и богоборчество его есть окончательная нелюбовь к Богу. Отвращение к Христу скрыто в метафизической глубине его сердца. Вслед за ним совершают эту хулу многие говорящие "Господи, Господи", с именем Христа на устах распинающие Христа. Официальные служители церкви, современные книжники и фарисеи, черные первосвященники, благословляющие преступления этого мира, если они совершаются властью имущими, бюрократические клерикалы вроде Победоносцева, все эти маленькие инквизиторы - агенты Великого Инквизитора, отвратились в сердце своем от Христа и совершают надругательство над Духом. Как благодетель по сравнению с ними, как близок к Христу был Ницше и другие богоборцы; язычник Гёте спасался в Духе, так как не совершал на него хулы. А, с другой стороны, в личности Карла Маркса была гораздо большая привязанность к злему началу, гораздо большая любовь к миру небожескому и противобожескому, чем у Байрона, Ницше, Ивана Карамазова и других богоборцев. Маркс верил только в творческую силу зла, добро из зла для него рождалось, и "злым" путем жаждал он устроить земное человечество, осчастливить его, лишив свободы выбора, религиозной свободы совести. Совсем как Победоносцев, который тоже верил только в "злой" путь, путь насилия и ненависти и хотел насильственно спасти человечество, создать принудительное счастье, отвергнув свободные дары Святого Духа. Принудить человечество насильственно к счастью, создать добрую гармонию путем злого антагонизма, вражды, ненависти и распадаения человечества на части, наделить людей лишь {необходимой} свободой - в этом весь пафос Маркса. В его личности и в духе его писаний явственно видны черты мрачного демонизма, вытекающего из метафизической его воли, из ненависти его сердца к Богу, из привязанности к бытию временному и бессмысленному и жажды сделать это бытие сильным, божественно-мощным. У Маркса была вражда к вечности, у таких демонистов, как Байрон или Ницше, была тоска по вечности. Вот почему в Марксе и марксизме я вижу черты Великого Инквизитора, и нет этих черт у Ницше, нет у Байрона, нет у самого Ивана Карамазова, рассказавшего Легенду о Великом Инквизиторе - хвалу Христу. Атеизм вдохновлял Маркса, составлял душу его системы земного устройства человечества[iii]. Маркс заимствовал этот атеизм у Фейербаха, но в нем нет своеобразной религиозности последнего. Атеизм Маркса не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нет, что от Бога нет, наконец, отделались и "стало возможно в первый раз помыслить о счастье людей". Презрение Маркса к людям, к человеческой {личности} не имеет пределов, для него не существует человек с внутренним его миром, не имеет никакой ценности личность, хотя благо и счастье человечества (пролетариата, ставшего человечеством), устройство его по законам необходимости - сделалось его мечтой. Великий Инквизитор в Марксе так же презирает личность, как и Великий Инквизитор в абсолютном цезаризме, в государственном или церковном деспотизме. О, конечно, Маркс взял "меч Кесаря". Марксисты же часто бывают невинными детьми, очень благонамеренными и не ведающими еще духа своего учителя.

Демонизм является в двух, по видимости противоположных, формах: в форме обоготворения личности, безграничного утверждения ее, и в форме презрения к личности, безграничного отрицания ее. Но обе формы демонизма сходятся и в последнем счете одинаково покоятся на {безличности}, на отрицании абсолютного значения и предназначения личности. Одна личность обоготворяется, других превращает в средство, но от этого сама перестает быть личностью, попадает во власть безличной силы. Соблазн окончательного демонизма, мистически злого (не того, что есть не раскрытая еще сознанию сторона Божества) есть соблазн небытия, есть обман и ложь. Глубочайшая трансцендентно-психологическая основа поистине безбожного демонизма есть рабство, бунт раба, не знающего обязанностей благородства, злобствующего против безмерно великого. Речь идет, конечно, о рабстве духа и благородстве духа, тут социальные категории не имеют места. В противоположность Ницше, я думаю, что демонизм, а не христианство, есть мораль рабов. Бунтуют против Бога рабы Божьи, {дети} Божьи любят Бога. Рабья психология способна понять отношение к Богу лишь как подчинение, ей все мерещится

порабощение, так как она внутренне несвободна. Рабы чувства демонизма сказываются в том, что он так хорошо понимает и ощущает {подчинение} Богу и так не понимает и не ощущает {свободной любви} к Богу. Ведь благоговение к высшему – прекрасно. Эта интимность свободной любви, свободного избрания самого дорогого для себя, своего же, – прямо противоположна всякому рабству, рабскому подчинению и рабскому же восстанию против того, что сделалось слишком далеким и слишком высоким. В демоническом бунте нет сознания царственного происхождения человека, есть духовное плебейство.

Обоготворяющая себя личность, отвергнувшая всякое высшее бытие, ничего, кроме себя, не признавая, явно идет к небытию, лишает себя всякого содержания, тлеет, превращается в пустоту. Утверждать свою личность значит наполнять ее бесконечным содержанием, впитывать в себя мировое бытие, приобщаться к бытию бесконечному. Всякое воление личности пусто, если оно не имеет своим предметом, своим объектом бытия универсального, мирового всеединства. Сделать самого себя самым сильным своим желанием, признать себя последней своей целью – значит уничтожить себя. Видеть во всем мире лишь свои субъективные состояния, признавать, подобно Максиму Штирнеру, весь мир лишь своей собственностью – это значит истребить свою личность, как объективную реальность, единственную в мире. Если нет Бога, как всеединого, полного и гармонического бытия, если Бог не есть моя последняя любовь, последняя цель, объект всех {моих} стремлений, не есть {мое}, тогда нет и моей личности, она лишается бесконечного содержания, пуста в своих стремлениях, бедна в своем одиночестве. {Иметь Бога – значит быть бесконечно богатым, считать себя богом – значит сделаться бесконечно бедным}. Я ничего не имею, я – пуст и бессодержателен, если свое конечное, ограниченное, временное обоготворяю, если возлюбил превыше всего свое человеческое. Поэтому "демоническое" самоутверждение личности есть самообман, за которым скрывается уничтожение личности, отрицание объективной реальности личности, скрывается безличность. Демонический индивидуализм есть прежде всего отрицание {индивидуальности} путем себялюбивого ее раздувания, уклон к обезличению и небытию. Смерть никогда на этом пути не побеждается. Быть личностью, индивидуальностью – значит определить свое особое предназначение в мироздании, утвердить полноту своего единственного бытия в бытии вселенском, значит питаться соками божественной жизни. Индивидуальность чахнет от самолюбивого желания занять не свое место, от неблагородного и завистливого стремления быть выше всех. Почитать себя за Бога есть потеря самого ощущения личности и идеи индивидуального назначения, в этом нет ничего индивидуального, это желание каждого раба, восставшего против подчинения, но не способного еще к благоговению. Противопоставлять свою личность Богу – вот огромное недоразумение, и истекает оно из темноты сознания или темноты сердца. Искать свободы от Бога и находить ее в утверждении своей природной личности – вот что очень модно, но лишено всякого смысла. Можно искать свободы от порабающего меня мира, от природы и закономерности, от государства и человеческого насилия, искать в Боге – источнике всякой свободы, но как искать свободы от Бога, когда моя свобода есть божественное во мне, есть знак моего божественного происхождения и божественного предназначения и противоположна только природной необходимости. Подымающийся во мне бунт против рабства, против необходимости, против связанности, подымающееся во мне личное начало, моя честь, мое достоинство и есть то, что во мне от Бога, истинный образ и подобие Божье. Моя личность есть предвечный образ мой в Боге, который я волен осуществить или загубить, есть идея (в платоновском смысле) меня в Божественном Разуме. Эта "идея" Божья есть богатое и мощное бытие, наполненное ценным содержанием. То, что я говорю здесь, есть истина, одинаково обоснованная как развитием мирового религиозного сознания, так и развитием мировой метафизики. Единый Разум в длинной своей истории раскрывал ту незыблемую истину, что Бог есть свобода, красота, любовь, смысл, все, о чем мечтает человек, чего хочет, что любит, и все это как абсолютная мощь, как сущая сила.

Могущественная, сверхчеловеческая личность, о которой так мечтает демонизм, умалится до состояния подчеловеческого, если не сумеет связать себя с бытием универсальным, если не впитает в себя мировую жизнь; в своей отделенности и самообожании идет она к бедности, пустоте и смерти. Демоническое в личности, если исключить богоборчество, праведное и угодное Богу, есть обманчивое, ложное, призрачное бытие. Все это имеет основание в самом элементарном и первоначальном человеческом опыте. Всякое существо, анализируя свои состояния, может проверить эту истину. Когда я отрываю себя от универсального бытия, уединяюсь от Бога, себя обоготворяю, себя признаю единственным, – я переживаю пустоту, я ощущаю наступление небытия, я беден – это факт моего опыта. Когда я соединяюсь с

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org

универсальным бытием, приближаюсь к Богу, живу высшими ценностями, утверждаю свою личность во вселенском процессе, – я обогащаюсь, переживаю полноту, ощущаю притягательность бытия. Скука, невыносимая скука – вот психологическая подпочва новейшего демонизма, вот дьявольская сила, знакомая многим из нас, а скука и есть предощущение небытия. Когда Свидригайлов сказал Раскольникову злое слово: "очень скучно", – он выразил психологическую сущность демонизма. Современный демонизм есть обострение проблемы личности, но не утверждение личности. Демонизм есть потеря личности, потеря смысла жизни, т. е. своего назначения в мире. Если кроме скуки есть еще и тоска, тоска по бытию, по иному миру и утверждению в нем своей личности, то это залог спасения. Дух Великого Инквизитора есть демонизм в общественной жизни, демонизм в исторических судьбах человечества. И таинственно сходятся тут некоторые самые крайние революционеры с самыми крайними реакционерами.

В демоническом обоготворении мигів нет утверждения личности, а есть разрушение личности, распад бытия, незаметный переход к небытию. В демоническом обоготворении временного в истории нет утверждения человечества, а есть поддержание распада человечества, опять-таки переход его к небытию. Признание абсолютного значения и предназначения личности, признание свободы и любви путями к спасению, мировому освобождению и мировому соединению – вот по чему узнается Дух Божий. Неуважение к личности, превращение ее в средство, предание свободы за блага временные, путь насилия вместо пути любви, поддержание мирового разъединения путем внешней связанности – вот по чему узнается дух Великого Инквизитора, дух дьявольский. Важная задача – освободиться от демонизма благочестивого, демонизма по отсутствию сознания, возвратить святых богоборцев к Богу, отвергнуть демонические слова для дел и переживаний недемонических. Тогда будет яснее, в чем реальное зло мира, почему оно не притягательно и не заманчиво, почему в нем нет никакого бытия, почему оно не осуществляет упований личности, а губит их окончательно! В следующих главах мы увидим, к чему ведет демонический путь общности, путь Великого Инквизитора в истории, и возможны ли пути иные.

[1] Впервые издана в книге {Бердяев Н}. "Новое религиозное сознание и общественность", Спб., 1907. "Великий Инквизитор" была ее первой главой. Публикуется по данному изданию – С. 1 – 32.

Как "Легенда о Великом Инквизиторе" Достоевского, так и статья "Великий Инквизитор" имели принципиальное значение для всего последующего творчества Бердяева. "Великий Инквизитор" – первое его обращение к Достоевскому. По его позднейшим оценкам эта статья была основой, конспектом книги "Миросозерцание Достоевского", ее идеи вошли в статьи "Ставрогин" (1914), "Откровение о человеке в творчестве Достоевского" (1918), "Духи русской революции" (1918). В "Великом Инквизиторе" заложены основные мысли бердяевской философии истории, этики и эстетики, разработаны принципы оценки разных общественных движений, в том числе революции и реакции.

Называя Достоевского своей "духовной родиной", Бердяев писал: "В юности с пронизывающей остротой запала в мою душу тема "Легенды о Великом Инквизиторе". Мое первое обращение ко Христу было обращением к образу Христа в "Легенде" ("Миросозерцание Достоевского". С. 3). Позже в своей философской автобиографии он так определил значение этой статьи и "Легенды о Великой Инквизиторе": "Для меня всегда огромное значение имела "Легенда о Великом Инквизиторе". Я видел в ней вершину творчества Достоевского. Католическое обличье легенды представлялось мне второстепенным. "Великий Инквизитор" – мировое начало, принимающее самые разнообразные формы, по видимости самые противоположные – католичества и тоталитарного государства. В мое сердце вошел образ Христа "Легенды о Великом Инквизиторе", я принял Христа "Легенды". Христос остался для меня навсегда связанным со свободой духа. Когда мне возражали против того, что свобода есть основа христианства, то я воспринимал это как возражение против моего первоначального принятия Христа и обращения в христианство. Отречение от бесконечной свободы духа было для меня отречением от Христа и христианства, принятием соблазна Великого Инквизитора. И я видел в истории христианства и христианских церквей постоянное отречение от свободы духа и принятие соблазнов Великого Инквизитора во имя благ мира и мирового господства" ({Бердяев Н, Самопознание}. С, 167). Начиная с 90-х годов "Легенда о Великом Инквизиторе" привлекает внимание многих философов, критиков, писателей, ее проблематика начинается ими актуализироваться и генерализоваться в очень широком контексте. См. статьи Вл. Соловьева. А. Волынского, Дм. Мережковского, Л. Шестова, М.

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org

Туган-Барановского, С. Булгакова, П. Сорокина, Л. Карсавина, С. Аскольдова, Н. Лосского, Ф. Степуна, С. Гессена, И. Лапшина и др. в сб.: "О Достоевском Творчество Достоевского в русской мысли 1881 - 1931 годов". М., 1990. Начало такому взгляду на "Легенду..." было положено книгой В. Розанова "Легенда о Великом Инквизиторе" (1891), которая оказала сильное влияние на Бердяева, Мережковского и других ее истолкователей 90 - 900-х годов.

[2] Бердяев придает "Легенде о Великом Инквизиторе" универсальный смысл. Он вводит понятие "философия история" (впервые в европейскую науку оно было введено Вольтером), указывает на пророческий характер "Легенды", выводит из нее "новое религиозное сознание", два начала всемирной истории видит в борьбе духа антихриста, Великого Инквизитора, лишаящего человека свободы, соблазнами и искушениями, и духа Христа, утверждавшего свободу человека.

Философско-историческое обоснование такой концепции истории впервые было дано Вл. Соловьевым в статье "Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории" (1900), хотя понимание истории как борьбы Христа и антихриста проявлялось уже в XVII веке в идеологии, легендах и духовных стихах русского старообрядчества. Бердяев в "Великом Инквизиторе" придерживается соловьевского взгляда на всемирную историю. Такой взгляд будет характерен для русской религиозно-философской мысли не только в 900-е годы, но и позже, в годы эмиграции ее представителей. Дух Великого Инквизитора, дух антихриста Бердяев будет видеть в католичестве, в абсолютизации государства, в эвдемонизме, в самодержавии, в "религии социализма", в старой христианской церкви, в человекобоге и человекобожестве, в строителях вавилонской башни на земле, в создании общества без Бога и неба, в отвержении свободы, вечности, смысла мира.

[3] Три искушения Христа - искушение чудом, авторитетом и властью, как они развернуты в Новом завете (Матфея гл. IV, 1 - 11; Луки гл. IV, 1-13) и в "Легенде о Великом Инквизиторе" Достоевского, Бердяев анализирует на очень широком фоне социально-исторических, философско-этических, метафизических и др. проблем.

[4] ....{contradictio in adjekto} (лат.) - противоречие в определении.

[5] ...{империализмом соблазнилось католичество с его папоцезаризмом и православие с его цезарепапизмом}. - Папоцезаризм - захват папой Римским и католической церковью не только духовной, но и светской власти. Цезарепапизм - управление церковью со стороны государства. Оно могло осуществляться непосредственно представителем светской власти или путем назначения, светской властью (монархом, императором, царем) властей церковных. В России цезарепапизм возник в петровскую эпоху.

[6] ...{от Ницше нельзя так легко отделаться}... - Этот упрек Вл. Соловьеву связан с его статьей "Идея сверхчеловека" (1899). Бердяев не совсем прав, упрекая Соловьева в легком отношении к идее сверхчеловека Ницше: ведь Соловьев включил ее в число трех "очередных", "модных" идей времени - "экономический материализм", т. е. марксизм, "отвлеченный морализм", т. е. толстовство, и "демонизм сверхчеловека", т. е. ницшеанство (см.: {Соловьев Вл.} Соч.: в 2 т, М., 1990. т. 2. С. 627). Соловьев ставит Ницше в один ряд с Л. Толстым и Марксом. Положительное, не опошленное содержание ницшеанской идеи сверхчеловека он видит в том, что "есть сверхчеловеческий путь, которым шли, идут и будут идти многие на благо всех, и, конечно, важнейший наш жизненный интерес - в том, чтобы побольше людей на этот путь вступали, прямее и дальше по нему проходили, потому что на конце его - полная и решительная победа над смертью" (там же. С. 633-634). Определяет Соловьев и отрицательную сторону идеи сверхчеловека: "Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного сверхчеловеческого значения - во-первых, себе единолично, а затем, себе, коллективно, как избранному меньшинству "лучших", т. е. более сильных, более одаренных, властительных или "господских", натур, которым все позволено, так как их воля есть верховный закон для прочих, - вот очевидное заблуждение ницшеанства" (там же, С, 628).

[i] Образцом рассуждений в духе Великого Инквизитора могут служить слова одного иезуита: "В настоящее время никто не может верить в большую часть христианских догматов, напр., в Божество Христа. Но вы согласитесь, что цивилизованное человеческое общество не может существовать без твердого авторитета и прочно организованной иерархии, но таким авторитетом и такой иерархией обладает только

Бердяев Н. Великий Инквизитор filosoff.org
католическая церковь, поэтому всякий просвещенный человек, дорожающий интересами
человечества, должен стоять на стороне католической церкви, т. е. должен быть
католиком" [Установить автора данной цитаты не удалось. - {Примеч.изд}.].

[ii] Это понимание мирового процесса связано с определенным метафизическим
учением, тождественным с религиозным откровением. Существование материи,
материальной необходимости и природной закономерности можно объяснить
метафизическим распадением, атомизированием частей бытия, внутренним раздором и
отчуждением, и внешним в силу этого соподчинением монад, роковым сцеплением
чуждых частей. Весь мир (не я) давит меня, необходим для меня, потому что моя
монада не слилась любовно со свободой других монад.

[iii] См. статью С.Булгакова "Карл Маркс как религиозный тип" в "Московском
Еженедельнике", 1906 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!